

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.17223/19986645/39/5

Т.Г. Рабенко, Н.Б. Лебедева

К СООТНОШЕНИЮ ЖАНРОВ ЕСТЕСТВЕННОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА «ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ»)

В статье исследуется функционирование жанра «письмо в редакцию» в естественной письменной речи и художественном дискурсе. Письмо в редакцию, будучи эпистолярным жанром с присущими ему жанрообразующими признаками, при включении в публицистический дискурс приобретает элементы публицистического стиля. Художественная версия письма, придерживаясь формально-структурных канонов жанра, эксплицирует художественно значимые элементы, которые отвечают художественно-изобразительным задачам автора.

Ключевые слова: речевой жанр, первичный речевой жанр, вторичный речевой жанр, естественная письменная речь, художественный дискурс, письмо в редакцию.

Цель предпринимаемого исследования – описать функционирование речевого жанра (далее РЖ) «письмо в редакцию» в различных коммуникативных сферах: в условиях естественной письменной речи (далее ЕПР) и художественном дискурсе, выявить то, каким образом реализуются жанровые признаки данного РЖ в обозначенных коммуникативных сферах, или, иначе, каким образом коммуникативная сфера функционирования РЖ отражается на его жанровых свойствах.

В качестве фактологического материала исследования выступают: (1) реальное письмо в редакцию районной газеты «Знамя Ильича» (г. Заринск Алтайский край, март 1998 г., автор – Владимир) и (2) письмо в редакцию районной газеты главного героя (Ивана Петина) рассказа В.М. Шукшина «Раскас» (1967 г.). Последнее квалифицируется нами как вторичный РЖ. Известно, что вторичные РЖ «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого культурного общения <...>. В процессе формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные жанры» [1. С. 161–162]. Вторичный РЖ, будучи онтологически производным от первичного, отличается от последнего сферой функционирования или стилистической обработкой (о художественной репрезентации РЖ см.: [2, 3, 4]).

В качестве рабочей гипотезы выдвигается положение о том, что пребывание исследуемого РЖ в лоне художественного текста отражается на его специфике: само существование РЖ «письмо в редакцию», его жанровая структура предопределяются авторским идейно-художественным замыслом, а отбор языковых средств реализации РЖ осуществляется с учетом художественно обусловленных намерений, хотя жанровые признаки письма, идентифицирующие данный РЖ, сохраняются.

В основе описания РЖ «письмо в редакцию» лежит коммуникативно-семиотическая модель жанров ЕПР (см.: [5, 6, 7]), структура которой близка к

фреймовой структуре типа ситуатемы (понятие ситуатемы см. в работе [8. С. 35]. Коммуникативно-семиотическая модель имеет своей целью учесть максимальное число фактообразующих компонентов ситуации и ориентирована на выделение материальных и социальных элементов как релевантных для этого вида речевой деятельности жанрообразующих признаков.

Заявленный в качестве объекта исследования эпистолярный материал рассматривается как жанровое воплощение «народной (или наивной) публицистики», поскольку это произведения, «написанные не публицистами-профессионалами, а родившиеся в гуще масс и выражающие их понимание событий, мнения, интересы, стремления, настроения, чувства» [9. С. 3]. Авторы писем («наивные публицисты») ориентируются на образцы (публицистические тексты), не обладая при этом навыками профессионального публициста.

Поводом для написания этих писем послужило одно и то же событие, обыкновенный житейский случай: и тот и другой герой брошены неверной женой. Авторы как будто приглашают к диалогу на эту житейскую тему, обращаясь к читателям районной газеты. Подобное поведение героев объяснимо. Советское время было особенным временем, когда слепая вера русского человека в печатное слово была особенно велика (как тут не вспомнить знаменитое «Письмо в редакцию телевизионной передачи «Очевидное – невероятное» В. Высоцкого»). В советском тоталитарном обществе пресса «выполняла те функции, которые в западных правовых обществах играют другие социальные институты – гражданский суд, система социальной адаптации и социальной защиты, институты социальной помощи» [10. С. 5]. Советская пресса воспринималась массовым читателем не только как источник информации; любой печатный орган мыслился и как высшая инстанция, «начальство», к которому можно обратиться за помощью, говоря при этом на особом, официальном языке. Сила власти такого начальства мифологизировалась, оно наделялось способностью все знать, понимать и решать любые проблемы (в том числе проблемы сугубо личного характера). «Магическая сила печатного слова <...> в равной мере разделялась и правящей элитой, и «массой», и работниками прессы, и теми, кто ее читал» [11. С. 25]. А.А. Потебня, рассуждая о мифе, писал, что в наивном, мифологическом («простонародном») сознании «человек не только не отделяет слова от мысли, но даже не отделяет слова от вещи» [12. С. 206], «между родным словом и мыслью о предмете <...> такая тесная связь, что <...> изменение слова казалось непременно изменением предмета» [13. С. 124].

Подобное восприятие прессы характерно и для авторов рассматриваемых писем. Оказавшись в непростом положении, оба героя пытаются справиться с драматической ситуацией и пишут в итоге письмо в редакцию «районки»: *Иван... частенько читал в газетах рассказы людей, которых обидели ни за что. Ему тоже захотелось спросить всех: как же так можно?! (2). Вот читаю нашу районку и думаю про тех женщин, что пишут то брошенная, то обиженная... (1)*¹.

¹ Сохраняются авторская орфография и пунктуация.

Создавая текст письма, авторы исходят из нескольких целеустановок: во-первых, необходимость сообщить о себе, своем жизненном факте формирует цель установления, регулирования отношений (информативно-фатическая цель): *Пускай они прочитают... там (2), Меня зовут Владимир и опишу о себе... (1)*;

во-вторых, необходимость выразить свои эмоции по поводу произошедшего события, выразить публично возмущение (эмотивно-оценочная цель) и получить в итоге моральное облегчение (релаксирующая цель): – *...А зачем вам нужно это печатать? – Редактор действительно смотрел на Ивана сочувственно и серьезно. – Что это даст? Облегчит ваше... горе? (2)*;

в-третьих, необходимость повлиять на поведение адресата (функция воздействия): убедить редактора напечатать *«хоть в крадце» (1)* письмо.

Успешной реализации данных целеустановок способствует умение автора убедить адресата в правильности авторской позиции, в необходимости действовать именно так, как предлагает автор письма. Стремление автора убедить адресата в правильности позиции, необходимости решения обозначенной в письме проблемы является основной задачей эпистолярно-публицистического жанра [14. С. 239], решение которой во многом зависит от характера обоснования суждений автора. В качестве лингво-когнитивной основы РЖ «письмо в редакцию» выступают модели аргументации и информирования, отражающие стереотипные представления носителей русского языка о способах информирования, экспозиции суждений о морально-этических ценностях русского человека: *как объяснить женицин, которые лгут и путем этим добиваются успеха что ли; я не узнал ее как надо не подружили, а с бухты боракты не семья, а тем боле в наше развратное время (1); Да мало ли красивых – все бы из дому бежали! ...Уверяю вас хоть я и лысый, но кое-кого тоже мог ба поприжать, потому што в рейсах всякие встречаются. Но однако я этого не делаю. А вдруг она чья нибудь жена? А они есть такие што может и промолчать про это. Кто же я буду перед мужиком, которому я рога надстроил! Я не лиходею людям... Эх, учили вас учили государство деньги на вас тратила, а вы теперь сяли нашею обчеству и радешеньки! Теперь смотрите што получается: вот она вильнула хвостом, уехала куда глаза глядят. Так? Тут семья нарушена. А у ей есть полная уверенность, што они там наладят новую? Нету (2)*.

Письмо в редакцию является вербализованным компонентом ситуации, в которой увязаны иллюкутивный и перлокутивный планы. С одной стороны, письмо в редакцию – это речевое явление, результат речевой деятельности, с другой стороны, данный РЖ выходит за рамки речевой деятельности, поскольку он вписывается в определенную коммуникативную ситуацию и предполагает воздействие на восприятие некоего события другим человеком (другими людьми). Следовательно, обозначенный РЖ преследует неречевую цель, являясь элементом целостной коммуникативной ситуации, в которую входит контекст речевого общения. В итоге письмо в редакцию позволяет решать некие актуальные ситуативно обусловленные задачи, связанные с осуществлением речевого (потребность в информировании о некоем факте, событии) и, как следствие, неречевого (необходимость решения некой проблемы: через преследование всеобщей огласки осуждение обидчиков) действия.

Будучи вербализованной в письменной форме речемыслительной деятельностью, письмо в редакцию характеризуется выражением глобальных категорий текстового уровня. Среди них категория диалогизма [15. С. 9]. В качестве эпистолярного жанра письмо в редакцию является такой моделью коммуникации, где информация не просто передается как высказывание, сообщение источника речи, направленное к ее получателю. Данный процесс оказывается более сложным, поскольку речевая деятельность в исследуемом РЖ обуславливает необходимость ориентироваться не на непосредственного участника общения, находящегося в общем с адресантом пространственно-временном континууме, а на предполагаемого получателя (получателей) текста, которым, в случае публикации письма на страницах газеты, является:

а) читательская аудитория газеты (массовый адресат) [16. С. 8–9], имеющая разный запас знаний и разный социокультурный опыт. *Вот и решайте как верить и как выбирать, и стоит ли вообще печатать эти бессмысленные объявления*, – восклицает в сердцах автор письма, обращаясь к читателям (1); *Теперь смотрите, что получается...* (2).

б) редактор газеты, в которую направлено письмо (формальный адресат): *как посмотрите как решите, но напечатайте хоть в крадце* (1); *С приветом, Иван Петин* (2).

При художественной актуализации РЖ становится возможным и непосредственный диалог героя с редактором:

– *Я рассказ принес*, – сказал Иван.

– *Рассказ?* – удивился редактор. – *Ваш рассказ? О чем?*

– *Я тут все описал*. – Иван подал тетрадку;

в) человек/группа людей, к которым в действительности обращено речевое намерение автора письма (целевой адресат): вероятно, в рассказе В.М. Шукшина это жена главного героя и офицер, который «семью тут себе «смонтировал»: *Пускай они прочитают там... Я найду их... И пошлю. Эх вы!.. Вы думаете, еслив я шофер, дак я ничего не понимаю? Да я вас наскрозь вижу*, в письме Владимира – «стройная симпатичная» и, возможно, женщины, «которые лгут и путем этим добиваются успеха что ли».

Как следствие этой пространственно-временной разделенности участников коммуникации монологическая по своей природе типовая ситуация «общение читателя с редактором газеты» по формальным признакам приближается к диалогическому общению, устанавливается отложенный (асинхронный) диалог. При этом выявляется ряд основных:

1) адресатных высказываний с личными местоимениями 1-го, 2-го лица и/или глаголами 1-го лица настоящего и прошедшего времени: *читаю и думаю, опишу о себе, остался я один, долго не решался что либо предпринять, меня зовут Владимир* (1); *я приезжаю, я не буду пересказывать, я забыл, я шофер, я не лиходею людям, я ей грубога слова никогда не сказал* (2);

2) адресатных синтаксических средств: а) высказываний с личными местоимениями 2-го, 3-го лица и глаголами 2-го, 3-го лица: *посмотрите, решите, напечатайте* (1), *учили вас учили а вы теперь съли на шею...*, *...она вильнула хвостом* (2), б) высказываний, характеризующих целевого адресата: *стройная симпатичная создательница семьи хранительница очага семейного*

(1), *похожая на какую-то артистку, она дурочка не понимает:...а уж ей самой тридцать лет* (2).

В системе категорий текстового уровня, реализуемых в исследуемом РЖ, прослеживается категория персональности, выражаемая средствами самопрезентации, – реализуемой в процессе межличностного общения способности автора повлиять на то, каким его увидит адресат, способности вмешательства в процесс формирования своего образа у собеседника. Самопрезентация предполагает представление субъекта речи в определенном свете, привлечение на свою сторону собеседника, манипулирование им, выражение своего отношения к окружающему миру с присущей субъекту речи системой ценностей [17. С. 73]. Потребность в предъявлении себя другим является одной из фундаментальных социальных потребностей человека, вследствие чего самопрезентация в письме может рассматриваться как коммуникативная стратегия воздействия на адресата.

Самопрезентация авторов письма осуществляется на содержательном и формально-языковом уровнях [15. С. 10].

Стратегия самопрезентации на содержательном уровне – это информирование о себе: своих успехах, талантах, положительных, на взгляд автора, морально-этических качествах: *по натуре я спокойный, спиртным не увлекаюсь, не курю, (косвенно) мои грядки... мое хозяйство... разрешал и веселится и принимать гостей* (1); *у меня у самого три ордена и четыре медали, я ей грубого слова никогда не сказал, за рулем меня никто ни разу выпимиши не видал и никогда не увидит. И при жене Людмиле я за все четыре года ни разу не матернулся*. В художественном тексте воссозданию образа героя способствует и авторский комментарий, беря на себя функцию информирования об адресате: *Сорокалетний Иван был не по-деревенски изрядно лыс, выглядел значительно старше своих лет. Его угрюмость и молчаливость не тяготили его, досадно только, что на это всегда обращали внимание, а также содержание записки, оставленной женой: ...больше с таким пеньком я жить не могу*, – все это отчасти объясняет совершенный его женой поступок.

Самопрезентация в письме на формально-языковом уровне реализует воздействие путем демонстрации коммуникативной компетенции. В качестве средств речевого воздействия риторические вопросы *как объяснить таких женщин* (1); *А если сказать кому что он на Гитлера похожий, то что ему тогда остается делать: хватать ружье и стрелять всех подряд? А вдруг она чьянибудь жена? Не дура она после этого?* (2); вопросно-ответная форма и ирония: *как вы думаете кто в качестве невесты. Моя стройная, симпатичная, хранительница очага семейного* (1), *А у ей есть полная уверенность, что они там наладят новую <жизнь>? Нету* (2), существование которых предопределено экстралингвистически (стремлением автора письма самому разобраться в ситуации, привлечь читателей на свою сторону, высказать обиду).

Общаясь публично, авторы, несмотря на драматичность ситуации, стараются «сохранить свое лицо» и не нарушать принцип вежливости: о бросивших их женах говорят: *стройная, симпатичная* (1), *Она вообще то не дура. У меня сердце к ей приросло* (2). Однако в письме Ивана звучит угроза в адрес обидчика, хотя автор письма не сознается в своих угрожающих намере-

ниях: *Мы гусударству пользу приносим вот этими самыми руками, которыми я счас пишу, а при стрече могу этими же самыми руками так засветить промеж глаз, што кое кто с неделю хворать будет. Я не угрожаю и нечего мне после этого пришивать, што я кому-то угрожал.*

Коммуникативная ситуация «общение читателя с редактором газеты» является для авторов основной ориентировки в коммуникативном событии. Через опознание типа коммуникативной ситуации происходит формирование коммуникативной пресуппозиции, на основе которой участники общения «строят свое коммуникативное поведение в соответствии с нормами и правилами поведения в данном типе коммуникативных событий» [17. С. 49], демонстрируя тем самым умение адекватно ситуации ориентироваться в коммуникативном пространстве и эффективно строить коммуникативное поведение: *Вот читаю нашу районку и думаю про тех женицин, что пишут то брошенная, то обиженная... Но вот как объяснить таких женицин которые лгут и путем этим добиваются успеха чтоли. ...не знаю как посмотрите как решите, но напичатайте хоть в крадце (1); <Иван> На третий день сел писать рассказ в районную газету. Он частенько читал в газетах рассказы людей, которых обидели ни за что. Ему тоже захотелось спросить всех: как же так можно?! (2).*

Обозначенная коммуникативная ситуация, в свою очередь, вписывается в более широкий социокультурный контекст – некие фоновые знания как форма осмысления действительности, связанная с оцениванием происходящего события (подобное поведение жены аморально и нуждается в общественном порицании), – детерминированный общекультурным контекстом – традиционно выработанными в культуре шаблонами письменной передачи информации. Отталкиваясь от общепринятого образца, адресант, исходя из коммуникативной ситуации и социоконтекста, выбирает соответствующую форму воспроизведения данного жанра, в том числе соответствующий для этого РЖ субстрат (тетрадный лист) как коммуникативно значимый элемент структуры текста ЕПР.

В тексте писем прослеживается влияние газетного языка, столь характерное для массового читателя в целом. У авторов писем сформировано представление о том, как пишутся статьи, иными словами, в жанровом сознании рядовых авторов есть модель жанра. Авторы писем пытаются подражать газетным текстам, ориентируясь на газетный язык, используют отдельные его элементы в своих письмах: *Эх, учили вас учили гусударство деньги на вас тратила, а вы теперь сяли на шею обчеству и радешеньки! А гусударство в убытке... Мы гусударству пользу приносим вот этими самыми руками, которыми я счас пишу...А гусударство деньги на её тратила – учила. Ну, и где ж та учеба? Её же плохому-то не учили. При этом Ивану нравилось, как он пишет... (2); Вот читаю нашу районку и думаю про тех женицин, что пишут то брошенная, то обиженная... (1).*

Естественно, что ориентация авторов письма в газету на публицистический дискурс в наибольшей степени проявляется на уровне словоупотребления. Оба автора озаглавливают свой текст, следуя известным жанровым образцам: «Крик души или рекламная невеста» (1) и «Раскас» (2): *Он <Иван> частенько читал в газетах рассказы людей, которых обидели ни за что. По-*

этому на замечание редактора *Это не рассказ*, Иван возражает: *Почему? Я читал, так пишут*. При создании собственного текста авторы наиболее активно используют именно те языковые средства, которые восприняты ими при чтении газет и осознаются как отличительные признаки газетно-публицистического стиля: газетные штампы, книжная лексика: *Эх, учили вас учили гусударство деньги на вас тратила, а вы теперь сяди на шею обществу и радешеньки! А гусударство в убытке... А гусударство деньги на ее тратила – учила. <...> У ей между прочим брат тоже офицер старший лейтенант... Он отличник боевой и политической подготовки <...> ... я давно бы уж был ударником коммунистического труда (2); По воле бога остался я один, долго не решался что либо предпринять... по натуре я спокойный спиртным не увлекаюсь (1)*. Для того чтобы придать впечатление особой значительности высказывания, авторы писем активно используют одну из основных черт публицистического стиля – собирательность как выражение духа коллективизма: они пишут о себе, своих конкретных проблемах, но в отвлеченной форме. Личным проблемам придается характер всеобщих: *Да мало ли красивых – все бы бегали из дому! Эх учили вас учили Мы гусударству пользу приносим вот этими самыми руками, которыми я счас пишу ... В жизни всяко бывает, бывает иной рас слабость допустил человек, но так вот одним разом всю жизнь рушить – зачем же так? (2), думаю про тех женщин, что пишут то брошенная, то обиженная..., с бухты боракты не семья, а тем более в наше развратное время (1)*.

В социально неоднородной среде, каковой является ситуация обращения читателя в газету, происходит, по словам Л.П. Крысина, взаимное приспособление участников коммуникативной ситуации, которое «может касаться (1) набора языковых средств; (2) правил их использования в данной ситуации; (3) тактик речевого общения; (4) при контактном общении – невербальных компонентов его (жестов, мимики, телодвижений и т.п.)» [18. С. 317–318]. См., к примеру:

Редактор захохотал.

Иван стиснул зубы.

– *Ах, славно! – воскликнул редактор. И опять захохотал так, что заколыхался его упругий животик.*

– *Чего славно? – спросил Иван.*

Редактор перестал смеяться... Несколько даже смутился.

– *Простите... Это вы о себе? Это ваша история?*

– *Моя.*

– *Кхм... Извините, я не понял.*

– *Ничего. Читайте дальше.*

Редактор опять уткнулся в тетрадку. Он больше не смеялся, но видно было, что он изумлен и ему все-таки смешно. И чтоб скрыть это, он хмурил брови и понимающе делал губы трубочкой.

«Для всех четырех типов коммуникативного приспособления имеет значение различие коммуникантов по признакам «свой – чужой» и «выше – ниже» (в некоторой социальной и возрастной иерархии)» [18. С. 317–318].

Включаясь в публичный дискурс, исследуемый РЖ в обеих своих реализациях, помимо признаков публицистических жанров (публичная сфера, массовый адресат, наличие заглавия «Крик души или рекламная невеста» / «Раскас», особые лексические средства), сохраняет определенную специфику, свойственную эпистолярным РЖ. Сохранены внешние признаки эпистолярного РЖ (так называемая эпистолярная рамка, см. [19. С. 5]): текст письма формализован границами, фиксирующими начало (*Значит было так: я приезжаю – на столе записка (2); Вот читаю нашу районку и думаю (1)*) и конец письма (подпись: *Все (1);*

С приветом.

Иван Петин. Шофер 1 класса (2).

Кроме того, в архитектонике обоих писем прослеживаются сходные структурно-содержательные черты:

- изложение произошедшего события и его авторская оценка: *Эх вы!.. это тоже неправильно ... я этого не делаю (2), наше развратное время (1),*

- характеристика обидчицы: *стройная, симпатичная / укатилась... создательница семьи, хранительница очага семейного (1), похожая на какую-то артистку / Ну не дура! ...малость чокнутая (2),*

- формулировка авторской просьбы: *Напечатайте хоть в крадце (2).* Непосредственно авторская интенция героя В.М. Шукшина выражается в диалоге героя с редактором:

– Вы хотите, чтоб мы это напечатали?

– Ну да.

- самопрезентация,

- один и тот же «философский тезис»: *Всякое в жизни бывает (1) / В жизни всяко бывает (2),*

- запрос реакции как апеллятивный компонент дискурса: *Как верить и как выбирать, и стоит ли вообще печатать эти бессмысленные объявления (1) / Теперь смотрите што получается: вот она вильнула хвостом, уехала куда глаза глядят. Так? (2).* При этом один из распространенных способов запросить реакцию адресата – риторические вопросы: *Как же так можно? Ну не дура ли она после этого? Откуда у нее пустозвонство в голове (2) / как объяснить таких женщин... (1),* а также вопросно-ответная форма (запрос реакции и стремление навязать свою позицию): *как вы думаете кто в качестве невесты. Моя стройная, симпатичная, хранительница очага семейного (1); А у ей есть полная уверенность, што они там наладят новую? Нету (2).*

Присутствие подобных адресатно-ориентированных синтаксических средств (риторических вопросов и вопросно-ответной формы), нейтрализуя пространственно-временную дистанцированность адресанта и адресата, позволяет автору в имплицитной форме призывать адресата (редактора) к неким действиям, которые следует совершить, чтобы исправить сложившуюся неблагоприятную ситуацию: напечатать письмо – предать гласности произошедшее – призвать к публичному осуждению поступка жены – тем самым повлиять на формирование общественного мнения – (у В.М. Шукшина) заставить вернуться жену (*Может, она вернется*).

В языковом оформлении писем можно заметить некоторое сходство. Недостаточно хорошо владея знанием кодов переключения регистров языка, необходимым для успешного достижения целей коммуникативного акта, авторы по-своему оперируют средствами других регистров языка, прежде всего, разговорно-просторечного с активным использованием лексических и фразеологических средств экспрессивности (последнее в большей степени характеризует героя В. М. Шукшина): *районка, укатила, с бухты боракты не семья (1) / Ну не дура! сделала такой финт ушами; скакать, как блоха на зеркале, малость чокнутая; засветить промеж глаз, вильнула хвостом и др. (2).* В обоих письмах наблюдаются несовпадения написания с кодифицированными и конвенциональными нормами, что характерно для жанров ЕПР.

Однако письмо в редакцию как вторичный РЖ обнаруживает определенную специфику. Являясь композиционной частью литературного произведения, письмо подчиняется задачам выражения эстетической информации и, как следствие, включается в общий смысл текстового целого. Будучи композиционно-сюжетным элементом художественного повествования (эпистолярным инклюзивом. См. [19. С. 3]), письмо служит для изображения письменного общения в условиях вымышленного мира художественного произведения, где контекстуальное окружение берет на себя часть семантической нагрузки, связанной с репрезентацией участников общения – самого героя, его жены, редактора (описание внешности героев, особенностей их характеров и др.), и коммуникативной ситуации (описание события, повлекшего написание письма, условия создания письма, обсуждение написанного с редактором газеты): читатель становится свидетелем обстоятельств создания письма, обуславливающих причину его появления: *Два дня Иван не находил себе места. Пробовал напиться, но еще хуже стало – противно. Бросил. На третий день сел писать рассказ в районную газету. Он частенько читал в газетах рассказы людей, которых обидели ни за что. Ему тоже захотелось спросить всех: как же так можно?! В прагматический контекст включаются невербальные элементы, которые расширяют возможности непосредственного представления героя: *Иван остановил раскаленное перо, встал, походил по избе. Ему нравилось, как он пишет, только насчет государства, кажется, зря. Он подсел к столу, зачеркнул «государство.**

В рамках естественной письменной коммуникации с ее редукцией прагматического контекста подобное невозможно, здесь вся смысловая нагрузка ложится на текст письма. Тематически текст письма усиливается за счет заголовка (главным образом первой его части): *Крик души или рекламная невеста.*

При включении письма в художественное произведение В.М. Шукшин использует те элементы эпистолярной формы, которые отвечают художественно-изобразительной задаче автора: при сохранении формально-структурных признаков жанра в содержании письма эксплицируются художественно значимые элементы: объяснение причин, по которым автор (Иван) обращается к письму (герой выбирает письменную форму общения потому, что она наиболее адекватна его психологическому состоянию: *Очень мне сейчас обидно, поэтому я пишу свой раскас*), собственное видение ситуации через разъяснение мотива совершенного женой проступка, ее осуждение,

наконец, собственные переживания по поводу произошедшего события. Содержание письма, наряду с авторским повествованием, становится важнейшим средством косвенной характеристики персонажа.

Таким образом, письмо в редакцию как эпистолярный РЖ ЕПР обладает рядом жанрообразующих признаков, свойственных жанровым формам этого вида письменной-речевой деятельности: письменная форма, непрофессиональный автор, субстрат (бумага – тетрадный лист), композиционные признаки (наличие формальных границ, свидетельствующих о начале и конце письма). В итоге, включаясь в публицистический дискурс, РЖ «письмо в редакцию» сохраняет определенную специфику, свойственную эпистолярным РЖ. Однако присутствуют и элементы публицистического стиля: особые целеустановки автора (в письме выражается стремление автора побудить адресата к неотложным, активным действиям в связи с предметом обсуждения); массовый адресат, газетная лексика, установка на публичную сферу коммуникации.

В целом письма обнаруживают сходство на всех уровнях их жанровой организации: композиционном (структура письма), тематическом (сообщение о произошедшем событии и его оценивание), стилистическом (разговорно-просторечная лексика, газетизмы, несовпадения написания с кодифицированными и конвенциональными нормами). Тем не менее выявляется и некоторая специфика вторичного РЖ. Художественная репрезентация письма в структуре рассказа играет особую художественную роль. Будучи художественно ориентированным, оно помогает прояснить концепцию жизни главного героя, лучше понять его характер (*Эх вы!.. Вы думаете, если я шофер, дак я ничего не понимаю?*), за угрюмостью и молчаливостью героя увидеть его истинное содержание. В.М. Шукшин не случайно выбрал эту жанровую форму, ибо именно письмо ярче всего повествует о душе человеческой.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. М., 1997. Т. 5. С. 161.
2. Рабенко Т.Г. Клятва как фидеистический речевой жанр // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 13 (194). Вып. 43. Филология. Искусствоведение. С. 122–126.
3. Рабенко Т.Г. Сплетня: юмористический профиль жанра (на материале рассказа А. Аверченко «Сплетня») // Изв. Саратов. гос. ун-та. Нов. сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 45–50.
4. Рабенко Т.Г. Жанр утешения и средства его языковой реализации // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2012. №4. С. 107–111.
5. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестн. Барнаул. гос. пед. ун-та. 2001. № 1. С. 4–10.
6. Лебедева Н.Б. Русская речевая личность и принципы ее типологизации (на примере образов художественной литературы) // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул; Кемерово, 2006. С. 204–226.
7. Лебедева Н.Б., Зырянова Е.Г., Плаксина Н.Ю., Тюкаева Н.И. Жанры естественной письменной речи: студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М., 2011. С. 8–61.
8. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2000. 53 с.
9. Прохоров Е.П. Эпистолярная публицистика. М., 1966. 60 с.
10. Акопов А.И. Аналитические жанры публицистики: Письмо. Корреспонденция. Статья: учеб.-метод. пособие для студентов-журналистов. Ростов н/Д. URL: 1996http:// www.studfiles.ru/preview/2366516/

11. Козлова Е.А. Речевой акт в жанре письмо редактору // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Та-тищева. 2012. Вып. № 1(9). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-v-zhanre-pismo-redaktoru>.
12. Потемня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 206.
13. Потемня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 124.
14. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2000. 312 с.
15. Аргаишкова С.Х. Дискурсивно-стилистические характеристики жанра «письмо редак-тору» (на материале англоязычного публицистического дискурса): автореф. дис. ... канд. фи-лол. наук. Пенза, 2010. 28 с.
16. Никишина Е.А. Речевой жанр писем читателей в газеты (на материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. URL: <http://diss.seluk.ru/av-jazykoznanie/759114-1-rechevoy-zhanr-pisem-chitateley-gazeti-na-materiale-migrantskih-sovetskih-gazet-20-h-v.php>.
17. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2012.
18. Крысин Л.П. Речевое общение в социально неоднородной среде // Русский язык сего-дня. Вып. 1 / отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2000. С. 317–321.
19. Кустова О.Ю. Письмо как самостоятельный текст и композиционная часть художест-венного произведения (на материале творчества Теодора Фонтане): автореф. дис. ... канд. фи-лол. наук. СПб., 1998. 18 с.

ON THE CORRELATION OF GENRES OF NATURAL AND ARTISTIC DISCOURSES: SETTING THE PROBLEM (IN THE GENRE “LETTER TO THE EDITOR”)

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 1(39), pp. 50–61. DOI: 10.17223/19986645/39/5
 Rabenko Tatiana G., Lebedeva Natalia B., Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federa-
 tion). E-mail: tat.rabenko@yandex.ru / nlebedevab@yandex.ru

Keywords: speech genre, primary speech genre, secondary speech genre, natural written speech, artis-
 tic discourse, letter to the editor.

The aim of the undertaken study is to describe the functioning of the speech genre “letter to the editor” in different communicative spheres: in natural writing and in artistic discourse, to show how the genre features of this genre are implemented in the designated communicative spheres, or, other-
 wise, how the communicative sphere of the speech genre functioning reflects in its genre properties.

Two letters to the editor are the evidence basis of the research: a real letter to the editor of a re-
 gional newspaper and its artistic version, presented in Shukshin’s story “Raskas”. The latter qualifies
 as a secondary speech genre, and, accordingly, as ontologically derived from its primary version, dif-
 ferent in its functioning and stylistic processing.

The research hypothesis is that the presence of the speech genre in the literary text is reflected in
 its specificity: the existence of the speech genre “letter to the editor” and its genre structure are prede-
 termined by the author’s ideological and artistic conception, and the selection of language means im-
 plementing the speech genre is based on the artistic purposes, although genre signs of the letter identi-
 fying the speech genre are preserved.

The description of the speech genre “letter to the editor” is based on the communicative-semiotic
 model of natural writing genres, the structure of which is close to the frame structure of the situateme
 type. With the aim of taking into account the maximum number of situation components, the commu-
 nicative and semiotic model is focused on the selection of material and social elements as relevant
 genre forming features for this kind of speech activity.

The letter to the editor as an epistolary genre with its genre features (e.g., border formalization
 fixing the beginning and the end of the letter) acquires features of the journalistic style (special au-
 thor’s purpose, mass target, newspaper vocabulary, aim at the public communication sphere) when it
 enters the journalistic discourse.

The architectonics of both letters shows similar structural and content features: presentation of a
 past event and its author’s evaluation, an offender’s description, wording of the author’s request, ele-
 ments of self-presentation, request for a response as the appellative component of the discourse.

Similar to the natural writing version, the artistic letter, built according to the formal and struc-
 tural genre canons, expresses artistically significant elements that correspond to the artistic and figura-
 tive author’s task (explanation of the reasons for which the author refers to the letter, his own vision of
 the situation by explaining the wife’s motive, his own feelings about the past event). Being artistically
 oriented, the letter helps to clarify the concept of the character’s life and understand his character.

References

1. Bakhtin, M.M. (1997) Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin, M.M. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari.
2. Rabenko, T.G. (2010) Klyatva kak fideisticheskiy rechevoy zhanr [Oath as a fideistic speech genre]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 13(194):43. pp. 122–126.
3. Rabenko, T.G. (2013) Gossip: Humorous Genre Type (on the Material of the Story by A. Averchenko “Gossip”). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. 13:3. pp. 45–50.
4. Rabenko, T.G. (2012) Consolation genre and the means of its language implementation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4:4. pp. 107–111. (In Russian).
5. Lebedeva, N.B. (2001) Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech' kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Natural written Russian speech as an object of linguistic research]. *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1. pp. 4–10.
6. Lebedeva, N.B. (2006) Russkaya rechevaya lichnost' i printsipy ee tipologizatsii (na primere obrazov khudozhestvennoy literatury) [Russian speech person and the principles of its typology (in fiction imagery)]. In: Golev, N.D., Saykova, N.V. & Khomich, E.P. (eds) *Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostey i lichnostno-orientirovannoe obuchenie* [Linguopersonology: language personality types and personality-oriented education]. Barnaul; Kemerovo: Barnaul State Pedagogical University.
7. Lebedeva, N.B. et al. (2011) *Zhanry estestvennoy pis'mennoy rechi: ctudencheskoe graffiti, marginal'nye straniitsy tetradey, chastnaya zapiska* [Genres of natural writing: students' graffiti, marginal pages of notebooks, a private note]. Moscow: Krasand.
8. Lebedeva, N.B. (2000) *Polisituativnost' glagol'noy semantiki (na materiale russkikh prefiksals'nykh glagolov)* [Polysituativity of verbal semantics (based on Russian prefixed verbs)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
9. Prokhorov, E.P. (1966) *Epistolyarnaya publitsistika* [Epistolary journalism]. Moscow: Moscow State University.
10. Akopov, A.I. (1996) Analiticheskie zhanry publitsistiki. Pis'mo. Korrespondentsiya. Stat'ya [Analytical genres of journalism. Letter. Correspondence. Article]. Rostov-on-Don. [Online]. Available from: <http://www.studfiles.ru/preview/2366516/>.
11. Kozlova, E.A. (2012) Speech act in genre “letter to the editor. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*. 1(9). [Online]. Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-v-zhanre-pismo-redaktoru>. (In Russian).
12. Potebnya, A.A. (1989) *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow: Pravda.
13. Potebnya, A.A. (1976) *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Moscow: Iskustvo.
14. Tertychnyy, A.A. (2000) *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodicals]. Moscow: Aspekt Press.
15. Argashokova, S.Kh. (2010) *Diskursivno-stilisticheskie kharakteristiki zhanra “pis'mo redaktoru” (na materiale angloyazychnogo publitsisticheskogo diskursa)* [Discursive stylistic characteristics of the “letter to the editor” genre (based on the English-language journalistic discourse)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Pyatigorsk.
16. Nikishina, E.A. (2013) *Rechevoy zhanr pisem chitateley v gazety (na materiale emigrantskikh i sovetskikh gazet 20-kh gg. XX v.)* [Speech genre of the readers' letters to the newspaper (based on emigration and Soviet newspapers of the 1920s)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow. [Online]. Available from: <http://diss.seluk.ru/av-jazykoznanie/759114-1-rechevoy-zhanr-pisem-chitateley-gazeti-na-materiale-emigrantskih-sovetskikh-gazet-20-h-v.php>.
17. Issers, O.S. (2012) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: LKI.
18. Krysin, L.P. (2000) Rechevoe obshchenie v sotsial'no neodnorodnoy srede [Speech communication in socially inhomogeneous medium]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Russkiy yazyk segodnya* [Russian language today]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik.
19. Kustova, O.Yu. (1998) *Pis'mo kak samostoyatel'nyy tekst i kompozitsionnaya chast' khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale tvorchestva Teodora Fontane)* [Letter as an independent text and a composite part of the artwork (based on works by Theodor Fontane)]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.